

● В БЕСЕДЕ С НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ

ВСТРЕЧАЯСЬ С НАСТОЯЩЕЙ СУДЬБОЙ

Пожалуй, не встретишь любителя кино, который не помнил бы веселой комедии «Укротительница тигров», где Людмила Касаткина так свежо и задорно сыграла влюбленную в цирк девушку. Этот фильм обошел не только экраны советских кинотеатров, но и 54 страны мира. Мы впервые увидели Людмилу Касаткину в кино и сразу обратили на нее внимание. Потом были еще киноленты «Медовый месяц», «Месть» и телевизионные — «Укрощение строптивой» и «Вызываем огонь на себя». Небольшой цветной фильм «Месть» по рассказу Чехова получил на фестивале в Сан-Франциско приз «Золотые ворота», а Катарина Касаткиной в «Укрощении строптивой» как лучшая женская роль отмечена призом «Золотая нимфа» на фестивале в Монте-Карло. Четырехсерийный фильм «Вызываем огонь на себя» прошел не только у нас, с ним знакомятся телезрители и других стран.

Свердловчане могут сейчас оценить комедийный и драматический талант актрисы по спектаклям Центрального театра Советской Армии «Барабанщица» и «Укрощение строптивой», где она исполняет главные роли.

«Укротительница тигров», «Укрощение строптивой», «Барабанщица», «Вызываем огонь на себя». Вы чувствуете даже в самом звучании этих названий энергичное начало, силу и глубину характеров.

Да, героини Касаткиной, такие разные по натуре, обладают большой душевной силой, внутренней красотой и женственностью. Они героичны по своему. И невольно хочется заглянуть в творческую лабораторию актрисы, где научилась так сильно любить своеюравная Катарина, где почерпнула свою стойкость Нила Снижко и где обрела свою вторую жизнь Аня Морозова.

И вот мы сидим в гостиничном номере и говорим о судьбе актрисы, о нелегком пути ее поисков, о том, как в ее жизнь вошло кино и как оно уживается с театром. О чем-то спорим, в чем-то соглашаемся. Простая и милая женщина удобно, по-домашнему устроилась на диване. И несмотря на эту домашность, на хрупкость всего ее облика, по внезапно потемневшим глазам, энергично сжатому кулачку, по лукавой улыбке узнаешь в ней ее героинь. И, главное, ту увлеченность, одержимость любимым делом, жизнью, которые так любит и ценит Людмила Касаткина в людях и которая всегда живет в ней самой. Этой одержимостью наделен ее первый образ в кино, поначалу чисто лирической героини, натянута та струна, без которой не «звучит» настоящий человек. Я прошу рассказать Людмилу Ивановну о том, как пришла она в кино.

— Но прежде всего, главное для меня — театр, — возражает она. — И когда после института я попала в коллектив, которым руководил замечательный режиссер А. Д. Попов, не

было человека счастливее меня. А встреча с кинематографом произошла совершенно случайно.

— Но тем не менее кино не отпускает вас? И оно, безусловно, влияет на вашу работу в театре?

— Конечно, кино и театр — два рода искусств, которые обязательно взаимодействуют.

ской девушки.

Я с волнением слушаю рассказ о посещении Аниной могилы:

— Когда мы подъезжали к деревне Гродзаны, в 80 километрах от Варшавы, мы увидели такие же поля, как у нас, такую же сельскую школу. Над ее дверьми — большой портрет Ани Морозовой. Школа на-

ловека, словно здесь похоронена моя сестра...

Сейчас в Свердловске я играла Нилу Снижко в «Барабанщице». Это тоже разведчица, но роль совсем другая. Объединяют их ежесекундная опасность, ежеминутное напряжение всех человеческих сил. В этом напряжении жила и Нила, и Аня. Но если Нилу зрители видят очень эффектной, активной, то Аню — в обыденной жизни. Еще во время работы над ролью Ани я стала пристрастно следить за Нилой, добиваться такого же напряжения ее внутренней жизни...

Уже здесь, в Свердловске, после спектакля к актрисе подошел человек и спросил:

— Скажите, вы, наверное, много пережили в жизни?

— Почему?

— Не может быть, чтобы вы так играли, если бы сами не пережили...

И вот сейчас, слушая, с каким искренним чувством радости и боли рассказывает Людмила Касаткина о поисках своего, именно своего «ключика» к классическим и к современным героям, понимаешь, отчего они запоминаются. Пытаюсь проникнуть в глубину человеческого характера, актриса дает полную картину жизни своему герою. Оттого диалог ее и доходит до сердца зрителей, заставляя их отождествиться и поверить. И сейчас она мечтает встретиться с большой, настоящей человеческой судьбой, с такой, какая была, скажем, у Ани Морозовой.

А пока, параллельно с гастролями, Людмила Касаткина снимается в новом фильме. Это опять встреча с любимым ею Чеховым. На этот раз в сложной и трудной роли Душечки.

— Зачем мы во второй половине XX века захотели рассказать о Душечке? Я надеюсь, что зрители поймут это, посмотрев фильм. В октябре он выйдет на экраны.

* * *

На снимке: Людмила КАСАТКИНА.

После съемок приходишь в театр, уже не позволяя себе условностей, театральности. На сцене проверяешь то ощущение жизни, которое пережито тобою в кино.

И особенно это ощущение, это дыхание большой жизни почувствовала актриса при съемках фильма «Вызываем огонь на себя». Здесь она встретила с очень дорогой для себя, прекрасной судьбой Ани Морозовой, которая руководила Сечинским подпольем.

Снова вспоминаются опасения и сомнения, трудности в работе над ролью: ведь об Ане очень мало известно, а зрителю надо было показать ее живой, настоящей. Из едва заметных крупинок актриса кропотливо собирает, лепит живой человеческий характер, словно тклет тончайшую драгоценную нить. Тут и переписка, и встречи с разведчиками, партизанами, с одной из участниц подполья — Людмилой Сенчиной. Тут и знакомство с письмами, документами тех дней, которые волновали, лишали покоя и сна, но питали мысль и воображение, заставили пережить на экране два с половиной года из жизни Ани Морозовой, как свои собственные. И когда по приглашению польского телевидения Людмила Касаткина приехала в Варшаву, люди, увидевшие тогда еще три серии, узнав актрису, бросались к ней на улице и говорили о том, как взволновал их фильм, всколыхнул их собственные переживания, как беспокоятся они за судьбу рус-

звана ее именем. Польские пионеры повели нас на кладбище. Мы увидели могилу и плиту с надписью: «Здесь покоятся советская разведчица Анна Морозова и два польских патриота»... А в конце — «Спи спокойно на польской земле». И когда мы положили цветы и поклонились ей, я поняла, что впервые в моей жизни произошло огромное событие: стерлась грань между ролью и человеком. По тому, как я была взволнована, я поняла, что стою и плачу у могилы близкого, дорогого мне че-

113